

ОСОБЕННОСТИ И ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «LEBEN»

Е. А. Демидкина

Воронежский государственный педагогический университет

Данная статья посвящена исследованию особенностей перевода немецких фразеологизмов и паремий с компонентом «Leben» на русский язык. В работе анализируются способы перевода и факторы, учет которых важен для адекватного перевода немецких *vita*-паремий и *vita*-фразеологизмов в русской лингвокультуре.

В настоящее время в область исследования фразеологии включаются не только *идиомы*, но и *устойчивые словосочетания, пословицы и афоризмы*. Вслед за В. Фляйшером, В. Вотьяк, известный австрийский фразеолог В. Айзманн выделяет 18 направлений, связанных с предметом изучения фразеологических единиц. Фразеология предстает как собственно лингвистическая дисциплина, имеющая точки соприкосновения с фразеографией, теорией перевода, фразеодидактикой, психолингвистикой, а также с семиотикой, литературоведением, этнографией, мифологией, исследованием стереотипов и т.п. На основании этого В. Айзманн выделяет следующие важные направления во фразеологических исследованиях: сопоставительное, культурно-историческое, этимологическое, идеографическое, психолингвистическое, фразеографическое, историческое, сравнительно-историческое, когнитивное и др. Важно подчеркнуть, что исследование фразеологических единиц (ФЕ) в *переводческом аспекте* сосредотачивается на выявлении критериев установления эквивалентов в разных языках (В. Айзманн, 1998). Особое внимание при подборе эквивалентов уделяется не только содержательной стороне ФЕ, но и форме их выражения, также выступающей отражением национально-культурной специфики ФЕ. Рассматриваются причины, препятствующие выявлению эквивалентных фразеологических единиц (В. Айзманн, 1998).

Труды по *сопоставительному* изучению отдельных фрагментов языковой картины мира, из которых наиболее значимой признается работа А. Д. Райхштейна, позволили выявить не только культурно-специфические черты немецкого, но и выявить фразеологические универсалии. Существование ФЕ во всех языках уже признается само

по себе языковой универсалией. Фразеологизмы представляют, как известно, интерес для исследования, потому что в них воплощены дух, психология и способ мышления народа, что наложило свой отпечаток на смысловую, содержательную сторону этих единиц. Изучение фразеологического состава языка является важным, «поскольку в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с этим языком» [4, 9].

Принимая во внимание, что объектом исследования фразеологии в широком смысле являются не только собственно фразеологизмы (идиомы), известный швейцарский фразеолог Х. Бургер указывает на необходимость изучения фразеологизмов во взаимосвязи с другими дисциплинами. В первую очередь, Х. Бургер отмечает фольклор и его отдельное направление *паремиологию*, предметом исследования которой выступают пословицы и поговорки [5, 6].

Паремии представляют собой культурно-специфические сентенции этноса, объективирующие ментальные установки этноса, его особенности мышления и поведения [2, 56]. Й. М. Зайлер отмечает особую природу пословиц, называя их кладзем мудрости и ума, которому не страшны никакие веяния времени, поскольку пословицы «омолаживаются» в голове каждого человека, откликаются в каждом человеческом сердце и которому не требуется защита от времени, т.к. пословицы всех народов, в конечном счете, представляют собой истину, которая записана природой и разумом в человеческих сердцах [8, 16].

Рассуждая об образах, содержащихся в пословицах, А. А. Потебня полагал, что особенность пословицы в лаконичной форме выступать сентенциями, «служить ответом на запросы, возникающие по поводу отдельного сложного случая» [3, 109]

осуществляется на основе использования поэтического образа. «Поэтический образ дает нам возможность замещать массу разнообразных мыслей небольшими умственными величинами. Эти относительно небольшие умственные величины каждый раз являются заместителями тех масс мыслей, из которых они возникли и которые вокруг них группировались [...]. Этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли [...] Ввиду этого можно положительно сказать, что поэтическая деятельность (мысли) есть один из главных рычагов в усложнении человеческой мысли и в увеличении быстроты её движения» [3, 110].

Таким образом, исследование фразеологических и паремологических единиц позволяет выявлять отличительные черты мировоззрения этноса, особенности мышления и поведения, воззрения на жизнь, зародившиеся в глубокой древности.

Большой интерес представляет рассмотрение фразеологизмов и паремий в переводческом аспекте, поскольку избираемые приемы для их перевода на другой язык позволяют адекватно отражать национально-специфический колорит немецкого этноса, вербализованный в языке и отражаемый в русских вариантах перевода. Следует отметить, что существуют разные классические и современные приемы межъязыковой трансформации, выделяемые, в частности, Л. С. Бархударовым (пермутации, опущение, перестановка, субституция), Я. И. Рецкером (лексические и грамматические трансформации), В. Н. Комиссаровым (конкретизация, генерализация, модуляция), И. С. Алексеевой, И. Я. Горбаневским (перестановки, замены, добавления, опущения) и др.

Предметом данной статьи являются фразеологические единицы (идиомы, фразеологические единства и сочетания) и паремии, являющиеся средством объективации концепта «Leben» в немецкой языковой картине мира. Всего анализу были подвергнуты 36 паремий и 92 фразеологизма. Феномен «жизнь» представляет интерес для изучения как архетипическая категория, наряду с такими концептами, как «Земля», «Родина», «Мир» и т.п., входящих в ядро национальной концептосферы любого этноса.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами анализа, *vita*-фразеологизмы (от *lat. vita* — жизнь, фразеологизмы, объективирующие концепт «жизнь») и *vita*-паремии (от *lat. vita* — жизнь, паремии, объективирующие концепт «жизнь») гетерогенны по своему семантическому составу и, соответственно, для их адекватной межъязыковой

трансформации на русский язык необходимо использование разных приемов перевода, к числу доминантных из которых, по нашим наблюдениям, следует отнести следующие типы межъязыковой трансформации: 1) на уровне объема и содержания понятий, 2) трансформационная операция генерализации и конкретизации объема и понятия, 3) метафорическая дифференциация, 4) отношение контрарности, 5) эксплицитность / имплицитность, 6) прием преобразования, 7) замена, 8) моделирование и др.

Обратимся к их рассмотрению. В ходе исследования нами было установлено, что наиболее частотным приемом межъязыковой трансформации является использование дословного перевода при сопоставлении немецких *vita*-фразеологизмов и паремий русским соответствиям. Как отмечают многие исследователи, в западноевропейских языках выделяются фразеологизмы, перевод которых на русский язык осуществляется именно на основе дословного перевода. Приведем примеры: «*der Rest des Lebens*» — «остаток жизни», «*ein neues Leben anfangen*» — «начинать новую жизнь», «*j-m das Leben schenken*» — «подарить кому-либо жизнь», «*in etw. Leben einhauchen*» — «вдохнуть во что-либо жизнь» и др. В названных немецких примерах (58 ед.) и их русских соответствиях прослеживается совпадение внутренней формы. Аналогичная тенденция наблюдается и при переводе немецких *vita*-паремий (2 ед.). Ср.: «*Die Tage seines Lebens sind gezählt*» — «Дни его жизни сочтены». В приведенных немецких паремиях и их русских соответствиях предметно-логическое значение является тождественным, т.е. и в немецкой и в русской паремии жизнь выступает исчисляемой категорией, и в качестве темпорального квантора жизни выступают «Дни».

Следует отметить, что в ряде случаев во фразеологизмах (15 ед.) двух языков совпадает денотативное (узуальное) значение, однако наблюдаются расхождения по этимологическому значению. Например, «*Er musste seinen Leichtsinns mit dem Leben büßen*» (букв. Он должен был расплатиться раскаянием жизнью за свое легкомыслие) — русское соответствие: «Он должен был поплатиться жизнью». Подчеркнем, что в этимологическом толковании (в словаре Duden) указывается, что глагол «*büßen*» имеет первоначальное значение «улучшить что-либо» [Duden, 107]. Немецкой ФЕ «*aus dem Leben scheiden*» (букв. отлучить от жизни) соответствует в русском языке — «уйти из жизни», причем в немецком языке

глагол «*scheiden*» изначально означал «отделять» [Duden, 624].

Как известно, первым шагом при переводе фразеологизмов является их идентификация, т.е. выявление семантического единства, сопоставление «своего» и «чужого» на уровне идентификации когнитивных пространств разных этносов, отраженных, в частности, во фразеологизмах и поговорках. Например, немецкую фразеологическую единицу «*wie das Leben so spielt*» можно перевести на русский язык «как это бывает в жизни». Метафорический образ жизни в приведенном фразеологизме эксплицирован (жизнь выступает в роли «руководителя», «судьи»), а в русском отсутствует метафорический образ жизни.

Важно подчеркнуть, что и в поговорках наиболее частотным и приемлемым представляется способ *дословного перевода* (29 ед.). Ср.: «*Der Tod ist so wenig Niederlage, wie das Leben ein Sieg ist*» — «Смерть настолько мало является поражением, как жизнь победой». Данный тип межъязыковой трансформации эксплицирует, в известной степени, отношение немецкого этноса к феномену «смерть». Феномен «смерть» в отличие от русской философии жизни не является табуизированным понятием и относится в немецкой культуре к числу культовых понятий, которое находит широкую распространенность не только в немецких философских трактатах, немецкой литературе, но и, в том числе, во фразеологическом и поговорочном корпусе немецкого языка. Как отмечается в немецкой культуре, к смерти следует относиться философски, граница между жизнью и смертью утрачивается, т.к. они выступают равноценными понятиями. В русской же культуре смерть является табуизированным понятием. Даже в случаях её вербальной репрезентации в поговорках, она коррелирует с другими концептуальными признаками. Приведем примеры: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь», «Перед судьей, да перед смертью замолчишь», «От смерти не спрячешься» и т.п. Иными словами, в русской культуре смерть является особым понятием, к которому русский этнос испытывает сакральное ощущение страха и воспринимает этот феномен с известным ореолом вечной непостижимой тайны природы, признавая неотвратимость, власть смерти над человеком.

Прием дословного перевода используется также при выявлении русского соответствия немецкой поговорки, в которой эксплицируется отношение немецкого этноса к браку. Ср.: «*Wer nicht heiratet,*

genießt sein Leben nur halb» — (досл.) «Кто не женится (не выйдет замуж), наслаждается своей жизнью только наполовину». В немецких поговорках брак считается важным и необходимым человеку, поскольку, с одной стороны, как следует из немецких поговорок, он означает нахождение родственной души, второй половины, а, с другой стороны, помогает становлению человека как личности. Приведем русские примеры с ключевыми словами «брак», «замужество», «женитьба»: «Браком хорошее дело не назовут», «Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет», «В девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло», «Женился скоро, да на долгое горе», «Женихом весел, а мужем нос повесил». Из приведенных примеров следует, что в русской культуре брак воспринимается, главным образом, как бремя, как явление, приносящее человеку трудности, т.е. соответствующие единицы в определенной степени негативно коннотированы.

По нашим наблюдениям, использование дословного перевода часто мотивируется стремлением элиминировать (упразднить) лауну. Так, например, поговорка «*Des Menschen Leben ist so vergänglich wie des Morgens Tau*» (букв. "Человеческая жизнь также мимолетна / преходяща, как утренняя роса") переводится русским соответствием с генерализующим значением «Жизнь быстротечна». Для сохранения колорита в немецкой поговорке, в которой жизнь сопоставляется с утренней росой, релевантным представляется только дословный перевод.

Другим распространенным приемом перевода немецких *vita*-фразеологизмов является прием преобразования (11 ед.). Ср.: «*das Rüstzeug für das Leben*» (букв. оснащение/оружие для жизни) — русское соответствие — «путевка в жизнь». Для передачи метафорического образа жизни в немецком и русском фразеологизмах используются разные сферы-источники. Так, в немецком языке когнитивным базисом для сопоставления служит «оснащение/оружие», коррелирующее с военной сферой, в русском языке — «путевка», соотносящееся с социальной сферой.

Обратимся к рассмотрению следующего приема перевода фразеологизмов и поговорок — приема генерализации, который широко используется при переводе с целью передачи национального колорита немецких *vita*-фразеологизмов и поговорок. Среди *vita*-фразеологизмов примерами для его иллюстрации служат следующие фразеологизмы: «*auf der Schattenseite des Lebens stehen*» — «темные сторо-

ны жизни», «*die Sonnenseite des Leben*» — «светлые стороны жизни». Используемые в приведенных немецких фразеологизмах метафорические образы жизни «находиться в теневой стороне жизни» и «солнечные стороны жизни» переводятся на русский язык выражениями с генерализующим значением «темные стороны жизни», «светлые стороны жизни». Метафорические образы жизни в немецких и русских фразеологизмах имеют разные сферы-источники. Так, в немецком языке используется космоморфная сфера, в русском — физическая. В русской культуре эти сведения подводятся под категории «свет» и «тьма», которые отражают в известной степени склонность русского этноса к максималистскому принципу: либо всё, либо ничего, т.е. либо свет, либо тьма, *tertium non datur* (третьего не дано).

По нашим наблюдениям, достаточно распространенным приемом перевода, используемым при трансформации немецких *vita*-фразеологизмов и *vita*-паремий на русский язык, является прием метафорической дифференциации. Например: «*Das Leben ist kein Kinderspiel*» (букв. Жизнь — не детская игра) — русское соответствие «Жизнь — не игрушки / не игрушка». В немецких паремиях отрицается рассмотрение жизни как игры. Жизнь — это не детская игра, не развлечение, т.к. жизнь, в соответствии с философией немецких паремий, это ответственность за каждый шаг, каждый поступок. Детская игра заканчивается и не влияет на последующие события, в жизни же каждое действие человека имеет свои последствия, и каждый конец (в философском смысле) означает начало. В русском языке используется более конкретное обозначение «жизнь — не игрушки / не игрушка», то, с чем играют, что можно отложить в сторону, сломать и т.п. Русский метафорический образ «игрушки» коррелирует [в отличие от немецкого метафорического образа жизни (жизнь не детская игра)] с другими концептуальными признаками: жизнь — хрупкая, уязвимая, тонкая, подобно игрушке, которая легко поддается разрушению и т.п.

В паремиях одним из наиболее распространенных является прием моделирования, поскольку не всякая пословица имеет аналог в другом языке. Для этой цели учитываются функциональные доминанты этих языковых образований, например, афористичность предметного содержания, национальная специфичность, выраженная в формальных признаках и др. Например, в немецкой пословице «*Das Leben ist kein Zuckerlecken*», в качестве вариантов перевода могут выступать «Жизнь — не сахар»,

«Жизнь — не мед». Анализ немецкой паремии, дословно означающей «Жизнь — это не слизывание сахара», позволяет выявить несколько релевантных признаков жизни важных для немецкого этноса. Жизнь не всегда является счастливой, беззаботной, она сопровождается трудностями, требует от человека много сил и терпения, поскольку все блага человеку достаются в результате большого труда. Добытые собственным трудом какие-либо приобретения имеют совсем другой вкус, поскольку они добываются «потом и кровью». Неслучайно в немецкой концептосфере «приоритеты жизни», из которых к числу доминантных относятся «Работа», «Порядок», «Чистота», «Комфорт», соотносятся не со сладкими продуктами, а, например, с приправой (*Würze*). Так, с приправой жизни в немецком языке сравнивается работа (*Arbeit ist des Lebens Würze*). В соответствии с немецкой философией жизни именно труд придает смысл жизни, человеческому бытию.

Главным критерием идентификации при переводе в пословице «*Arbeit ist des Lebens Würze*» на русский язык является критерий отношения к работе. В немецком языке это эксплицируется, в русском языке, несмотря на большое количество позитивно коннотированных пословиц и поговорок («Без труда не вынешь рыбку из пруда», «под лежачий камень и вода не течет» и т.п.), это значение выражается описательно. Анализ вышеназванной пословицы в сопоставлении с русским соответствием позволяет сделать вывод о *полярности* восприятия работы в немецкой и русской культурах. Ср.: «Работа не волк, в лес не убежит», «Работать спустя рукава», «Дураков работа любит» и др.

Что касается приоритета работы как одной из детерминирующих сущностей немецкой культуры, то следует подчеркнуть особенности духовной формы культуры немецкого этноса, которые связываются с соотношением матрицентричных и патрицентричных архетипов в коде культуры. «Эрих Фромм, опираясь на этнографические исследования И. Баховена и Л. Моргана, подчеркивает, что формы организации общественной жизни зависят от взаимосвязи и взаимообусловленности этих двух центральных архетипов культуры. Образ матери связан с милосердием и состраданием, поэтому материнскую любовь нельзя заслужить «хорошим поведением», но нельзя и потерять ее, согрешив: материнская любовь *безусловна*. Отцовская любовь, напротив, *обусловлена*, она зависит от достижений ребенка и его хо-

рошего поведения. Отец любит ребенка похожего на себя, наследника собственности. Любовь отца можно потерять, но ее можно вновь заслужить раскаянием и смирением: отцовская любовь — это справедливость. В Европе религиозная Реформация утвердила «патриархальную» форму христианства, поскольку благодаря Лютеру была проведена элиминация материнского элемента в церковной культуре. Человек должен здесь «заслужить» милость Бога *деятельным трудом* в земной жизни, и это своего рода «*индустриальная религия*», поскольку труд превращается в функционирование как самоцель» [1].

Анализ лексикографических источников, которые отражают толкование немецких и русских *vita-фразеологизмов* и *паремий*, отражает определенную асимметрию в количественном отношении. Так, нескольким немецким пословицам «*Das Leben ist eine Kunst*», «*das Leben ist kein Zuckerlecken*», «*Das Leben ist kein Kinderspiel*» соответствует пословица «Жизнь прожить — не поле перейти» (см. Л. Г. Пермяков, 1985, В. К. Шалагина, 1962). В русской культуре отмечается достаточно частое обращение к метафорическому образу «Поле», используемому для характеристики души русского человека. Изучению этого феномена, как известно, посвящены многочисленные труды русских философов, писателей, поэтов и т.п. Весьма красноречивым подтверждением данного факта является название одной из статей Н. А. Бердяева «*Власть пространства над русской душой*».

Следующим приемом перевода, используемым в настоящем исследовании, является прием замены как один из наиболее часто используемых способов межъязыковой трансформации (8 ед.). Приведем пример, «*Leben in die Bude bringen*» (букв.: принести жизнь в каморку) — русское соответствие «привнести оживление куда-либо, во что-либо». В немецком метафорическом образе актуализируется смысл «возможность переноса жизни в какое-либо пространство», в то время как русское выражение «внести оживление во что-либо» имеет более широкую сферу использования (например, внести оживление в разговор, ситуацию, оживить мысль и т.п., т.е. приведенное русское соответствие включает не только материальную сферу использования (в отличие от немецкого фразеологизма — «принести жизнь в каморку»), но и духовную.

Таким образом, с целью передачи национального колорита немецких метафорических образов

жизни средствами русского языка используются следующие наиболее частотные приемы перевода: дословный перевод, прием преобразования, генерализации, конкретизации, замены, моделирования, буквального описания с целью элиминирования лакун и др. Особенности перевода немецких *vita-фразеологизмов* и *vita-паремий* на русский язык заключается, в том числе, в имплицитности/эксплицитности отражения метафорического образа жизни в разных культурах, дифференциации метафорического образа жизни по разным критериям в немецком и русском языке, полярности в репрезентациях немецких и русских метафорических образов жизни, общности / конкретности в отражении жизни в немецких и русских соответствиях, стилистической окраске, экспрессивности и др. Использование широкого спектра приемов перевода позволяет сохранить немецкий национальный колорит, этнокультурную специфику немецких *vita-фразеологизмов* и *vita-паремий* при их трансформации в русскую языковую культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василенко И.А. Российская политическая культура: архетипическое и сакральное в горниле модернизации / И. А. Василенко // Трибуна русской мысли. — 2003. — № 2 (6) — (<http://www.cisdf.org>).
2. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная — Белгород: Изд-во Бел. гос. ун-та, 2002. — 288 с.
3. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня — С-Пб.: Филологический факультет С-ПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 374 с.
4. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов — знаков — микротекстов / В. Н. Телия // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры. 2004 — С. 674—684.
5. Burger H. Handbuch der Phraseologie / H. Burger, A. Buhofer, A. Sialm. — Berlin, New York : de Gruyter, 1982. — 433 S.
6. Eismann W. Einige Probleme und Perspektiven der kontrastiven Phraseologie / W. Eismann // *Europhras* 95, — Bochum, 1998. — S. 1—30.
7. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / F. Fleischer. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. — 243 S.
8. Sailer J.M. Die Weisheit auf der Gasse oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter / J. M. Sailer. — Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1996. — 357 S.
9. Wotjak B. Mehr Fragen als Antworten? Problemskizze — (nicht nur) konfrontativen Phraseologie / B. Wotjak // *Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung*. — Wien, 1992. — S. 197—217.

СПИСОК ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

1. *Даль В.* Пословицы русского народа. Т. 1. — М.: Художественная литература. — 1989. — 431 с.
2. *Шалагина В.К.* «Немецкие пословицы и поговорки» / В. К. Шалагина. — М.: Изд-во института международных отношений, 1962. — 298 с.
3. *Meier-Pfaller H.-J.* Das Große Buch der Sprichwörter / H.-J. **Meier-Pfaller**. — Esslingen am Neckar, 1986. — 304 S.

4. *Permjakow G.L.* 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig Moskau «**Russki jazik**» 1985, — 135 S .

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Duden.* Herkunftswörterbuch. Band 7. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. — 844 S.